

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

БЕСѢДА 3-я

о Лицѣ Господа Іисуса Христа, въ великій пятокъ.

Благодать и истина Іисусъ Христомъ бысть (Ев. Іонн. 1,17).

На очереди теперь у насъ допросъ свидѣтелей за Христа отъ всей вселенской Церкви.

Страшное слово произнесли мы, братіе, въ настоящую минуту, когда Сынъ человѣческій, послѣ суда надъ Нимъ іудейскаго синадріона, распятый на крестѣ, *плотію* Своею только что *уснулъ, яко мертвъ*. Вотъ Онъ, взгляните на Него! Вызывать теперь и въ такую минуту свидѣтелей и выслушивать ихъ показанія о Немъ, что же будетъ значить, какъ не то, что Онъ и доселѣ все еще подеудимый? Къ прискорбію, въ нѣкоторомъ смыслѣ это такъ. Какъ прежде въ Израили, такъ и въ наши дни, Онъ все еще не перестаетъ лежать, *на паденіе* однихъ, *на возстаніе* другихъ и вообще *въ ознаменіе пререкаемо* (Лук. 11, 34). И вопросъ, съ которымъ такъ часто современники Его обращались то лично къ Нему: *Ты кто еси* (Ев. Іонн. 1, 19), то въ бесѣдѣ между собою: *кто сей есть*,—вопросъ этотъ болѣе даже, чѣмъ когда либо, составляетъ самый болѣзненный предметъ и самаго упорнаго изслѣдованія нашихъ дней.

Печальное явленіе! Незавидное знаменіе времени!

О, пробудись отъ смертнаго покоя Твоего, Царю мой и Господи! Пробудись и Самъ *отверзи устни* Твоихъ свидѣ-

телей, чтобы они *возвѣстали хвалу Твою* и, подкрѣпляемые Твоимъ царственнымъ рыканіемъ яко *отъ Иуды льва*, заградили уста враговъ Твоихъ!

Свидѣтели отъ всей вселенской Церкви!... Это такое множество, которое можно уподобить только множеству звѣздъ небесныхъ, или песку морскому. Какъ союзъ, связанный единствомъ вѣры и упованія, свидѣтели эти, очевидно, въ глазахъ всѣхъ представляютъ собою крѣпкую силу, многозначительный авторитетъ.

Представьте, что въ одну мысль, въ одинъ голосъ, въ одни уста, на пространствѣ почти девятнадцати вѣковъ сливались и сливаются неисчетные милліоны мыслящихъ существъ отъ всѣхъ странъ и народовъ міра; представьте при семъ, что выше этого слиянія они не знаютъ никакого другаго счастья ни на землѣ, ни на небѣ, и скорѣе согласны вынести, какъ и выносили цѣлыя милліоны изъ нихъ, всякаго рода пытку и позорную смерть, чѣмъ измѣнить этому религіозно-нравственному союзу, представьте это, и вы невольно подумаете въ себѣ: видно, основы этого единенія настолько внутренно тверды, что не боятся никакихъ внѣшнихъ враждебныхъ вліяній и прираженій; видно, союзъ этотъ во имя главы его—Христа утверждёнъ не на случайномъ какомъ либо увлеченіи или обманѣ первичныхъ членовъ его относительно Лица Христова и тѣмъ еще менѣе на случайномъ сдѣяніи какихъ либо обстоятельствъ, такъ или иначе содѣйствовавшихъ благополучному исходу трагической кончины Его. Вселенскій союзъ!... Союзъ во имя Распятаго съ именемъ злодѣя!... Столько вѣковъ существуетъ онъ!... Изъ дня въ день, изъ года въ годъ все растетъ въ высоту и глубину, все ширится въ своемъ объемѣ!... И это не мечта, не обманъ чувствъ, а дѣйствительный историческій фактъ, совершившійся и совершающійся предъ глазами всѣхъ!... Союзъ наконецъ, который не льститъ ничѣмъ ничьей чувственности, ничему эгоизму, а отъ всѣхъ, напротивъ, требуетъ полнѣйшаго самоотверженія во имя Главы Его и духовныхъ совершенствъ!... Нѣтъ, это не случай. Это дерево—не отъ заноснаго сѣмени. Это зданіе стоитъ не на пескѣ. Въ основѣ его—не человѣческія силы. Какъ ни изворачивайтесь, а въ виду всемірнаго факта, необходимо

предположить здѣсь одно изъ двухъ: или—что въ Главѣ христіанства есть что нибудь особенное, сверхъчеловѣческое, такое, чего не могла отнять у Него и помрачить на челѣ Его и самая, заклеименная публичнымъ позоромъ, смерть Его, или—союзъ христіанскій во имя Его есть полнѣйшее безуміе, самый ужасающій парадоксъ. Но такой союзъ, какъ христіанскій, не только не продержался бы на пространствѣ болѣе 18 вѣковъ своего историческаго развитія безъ чего либо особеннаго во Главѣ его, явно небеснаго, явно Божественнаго: онъ былъ бы вовсе даже не мыслимъ во всякомъ дальнѣйшемъ своемъ движеніи, не говоримъ, во всемирномъ процвѣтаніи. Или онъ распался бы еще у своей колыбели, какъ чистѣйшее внутреннее противорѣчіе, или рухнулъ бы послѣ первыхъ же своихъ движеній подъ тяжестью необычайныхъ духовно-нравственныхъ требованій, или наконецъ, въ силу историческаго закона, поколебался бы отъ другой болѣе тяжелой случайности и уступилъ бы свое мѣсто другому движенію, подобно тому, какъ случайное уступаетъ мѣсто необходимому, или какъ нетвердое потрясается и рушится подъ давленіемъ болѣе твердаго. Правда, мы знаемъ во всемирной исторіи другой религиозный союзъ, тоже многовѣковой и многочленный: это—союзъ мусульманскій. Но тутъ нѣтъ никакого сравненія въ условіяхъ ихъ бытія и развитія. Мусульманства въ строгомъ смыслѣ не лзя назвать даже союзомъ религиознымъ. Хотя оно и выставляетъ у себя священное знамя Бога, но, не требуя отъ человѣка чистыхъ, духовно-нравственныхъ совершенствъ, достойныхъ высочайшаго существа, оно, очевидно, носитъ только призракъ этого союза, только имя его, въ сущности же есть отрицаніе его, или чистое противорѣчіе самому себѣ. Мусульманство, точнѣе и правильнѣе, есть союзъ во имя чувственности и эгоизма, или во имя прирожденныхъ человѣку грѣховныхъ склонностей. Въ этомъ его заблужденіе, но въ этомъ же вмѣстѣ—его сила и причина живучести. Другими словами: сила и живучесть мусульманства, это—сила и живучесть въ поврежденной человѣческой природѣ грѣха, которому оно потворствуетъ, и страстей, которыя оно такъ сильно возбуждаетъ и такъ широко цитаетъ. Христіанство, напротивъ, есть безусловный протестъ не только противъ чувствен-

ности и эгоизма, но и против всякаго рода грѣховныхъ склонностей и нечистыхъ движеній сердца и въ самомъ строгомъ смыслѣ есть всецѣлое самоотверженіе во имя Бога и духовно-нравственныхъ совершенствъ. Сравниваютъ со Христомъ древняго Греческаго мудреца. Изъ исторіи мы знаемъ его жизнь и смерть. Но и между этимъ мудрецомъ и Христомъ не можетъ быть никакого сравненія, подобно тому, какъ нельзя сравнивать блуждающіе въ небесной сферѣ огоньки съ царственнымъ свѣтиломъ ея, солнцемъ. Правда, Сократъ осужденъ былъ невинно, жилъ и умеръ, какъ мудрецъ, но искренно-любившіе его ученики его и, снявши съ него тяжкое пятно развратителя юности, потомки его не дошли же до обоготворенія его, до поклоненія ему, не дошли потому собственно, что въ личности его и жизни не находили на то никакого основанія. Сократъ умеръ, и этимъ кончилась его исторія и миссія человѣка добраго и умнаго. Другими словами: Сократъ блеснулъ, какъ огонекъ, и за тѣмъ исчезъ, оставивъ по себѣ едва замѣтный слѣдъ среди людей. Со всемъ нето—Христось. Христось умеръ, но въ самой же смерти Его положено было дѣйствительное и вѣчное начало новой жизни для человечества. Если не все еще это признаютъ, если не все еще вѣрують, что Христось есть центръ міровой жизни, какъ Искупитель міра, и главный движитель и заправитель исторіи ея, какъ Глава вселенской церкви, за то никто не въ силахъ отрицать того всемірнаго факта, что со смертію Христа и послѣдовавшимъ за нею воскресеніемъ его, совершился переломъ во вселенной, такой переломъ, въ послѣдствіе котораго, на глазахъ всѣхъ, явилась въ мірѣ новая жизнь и новая исторія ея, что эта жизнь и эта исторія идутъ въ томъ же направленіи и досель, и все только ширятся, только разрастаются. Что же тутъ, въ самомъ дѣлѣ, Сократъ въ сравненіи со Христомъ? Меньше даже, чѣмъ мелькнувшій огонекъ.

Такимъ образомъ остается удостовѣрять, что вселенскій христіанскій союзъ основанъ и держится на несомнѣнныхъ, непреходящихъ началахъ Божественной истины. Это—та именно истина, которая по словамъ Богодухновеннаго Пѣвца, *одна пребываетъ во вѣкъ*. Какъ Божественная и неизмѣнная, истина эта, естественно, оставляетъ свой отблескъ, кладетъ свою

Божественную печать и на все то, что ею живетъ, ею создается и проникается: это отблескъ, это печать устойчивости, непоколебимости, вѣчности. У человѣка въ естественномъ его состояніи, она хранится, какъ искра, и вспыхиваетъ, какъ свѣточъ, въ удѣлѣвшихъ остаткахъ его разума и совѣсти; это и есть собственно здравый смыслъ. Въ пророческомъ созерцаніи она сказала, какъ нѣкое временное озареніе свыше, предъ которымъ раздвигалась болѣе или менѣе даль будущихъ временъ и событій. Во Христвъ она нашла полное свое выраженіе и есть въ собственномъ смыслѣ *святъ*, предъ которымъ *вся нага и объявлена*. Другаго, болѣе достовѣрнаго, объясненія твердости и долговѣчности христіанскаго союза быть не можетъ. Апостолъ Павелъ разрѣшилъ этотъ вопросъ въ томъ же смыслѣ въ двухъ словахъ, когда сказалъ, что распятый Христосъ есть *Божія Сила и Божія Премудрость*. (1 Кор. 1, 24).

Въ качествѣ свидѣтеля за Христа, на судъ разума вотъ и вызывается теперь весь этотъ христіанскій союзъ, или вся вселенская Церковь, вызывается во всей ея массѣ и вѣтвяхъ, съ ея прошедшимъ и настоящимъ, съ ея учителями и вѣроученіемъ, съ ея жизнію и хранящимися въ ней *Божественными силами, яже даны къ животу и блаженствію*, съ ея наконецъ исторіею и литературою, словомъ, во всемъ своемъ всеоружіи.

Въ какихъ же словахъ эта необъятная масса, эта неисчетная единица, эта всегда старая и всегда юная, всегда самой себѣ равная, по всей вселенной раскинутая церковь выражаетъ свое свидѣтельство о Христвѣ?

„Вѣрую, исповѣдуетъ она на всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ міра, на Востокѣ и Западѣ, на Сѣверѣ и Югѣ, вѣрую во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божія Единороднаго, иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, Свѣта отъ Свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имъже вся быша, насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія спшедшаго съ небесъ и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы и вочеловѣчшася, распятаго же за ны при Понтійствѣмъ Пилатѣ, и страдавша и по-

гребенна и воскресшаго въ третій день по писаніемъ, и восшедшаго на небеса и сѣдяща одесную Отца, и паки грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ, Его же царствію не будетъ конца.“

Въ сущности такъ вѣровала и такъ исповѣдывала вселенская церковь во все время и во всехъ состояніяхъ исторической жизни человѣческихъ обществъ: во время мира и гоненій, во время процвѣтанія наукъ и упадка ихъ, во время крайняго развитія деспотической власти надъ народами, равно какъ и въ пору полной свободы народовъ, до и послѣ вселенскихъ соборовъ. Такъ вѣруетъ, исповѣдуетъ она и нынѣ, ни въ чемъ неотступно и во всемъ неизмѣнно.

Какъ *названная на основаніи апостолъ и пророкъ* (Ефес. 11, 20), вселенская церковь, естественно, формулировала свое ученіе о Христѣ на основаніи не того только, что о Христѣ передали апостолы, какъ Его самовидцы и ближайшіе спутники, но и на основаніи того, что, по вдохновенію свыше, еще древле предсказали о Немъ пророки. Отъ того то въ символѣ вѣры ученіе о Христѣ изложено почти собственными словами апостоловъ и пророковъ. За твердость символическаго ученія о Христѣ, такимъ образомъ, ручается не нравственный только авторитетъ святыхъ мужей, каковы пророки и апостолы, и не величіе только опять всемірнаго явленія, каково христіанство; ручается за это вся непрерывная нить Божественнаго домостроительства, созерцаемаго вмѣстѣ и въ его чертежѣ и въ его исполненіи. Напримѣръ, вы будете разсматривать божественное зданіе? Васъ поразитъ его тождество съ Божественнымъ чертежемъ. Вы не найдете въ исторіи Христа ничего случайнаго, а все въ ней *совершившаяся* по издревле начертанному плану. Жизнь Иисуса Христа, включительно съ Его смертію, воскресеніемъ и вознесеніемъ на небо, можно читать также по пророкамъ, какъ читаютъ ее по Евангеліямъ и Апостольскимъ посланіямъ. Если станете отрицать подлинность чертежа, вамъ укажутъ на его историческіе памятники. Живъ еще народъ Еврейскій, среди котораго развивался планъ Божественнаго домостроительства о спасеніи міра чрезъ Христа; цѣлы въ средѣ его и священные памятники о семъ. Такимъ образомъ окажется, что исторія постепеннаго,

предварительнаго развитія Божественнаго домостроительства — не тайна въ мірѣ, такъ какъ въ священныхъ памятникахъ своихъ хранится она не только среди друзей Христовыхъ, но и среди самыхъ враговъ Его, и составляетъ предметъ благоговѣнія тѣхъ и другихъ. Почему же Евреи по Божественному чертежу не узнаютъ Христа, какъ Мессіи, и христіанской церкви, какъ Его царства, это вопросъ иной и будетъ разсмотрѣнъ въ своемъ мѣстѣ.

О, безконечно предусмотрительны пути святаго Промысла Твоего, Господи!

Насколько твердо основаніе, на которомъ построено символическое ученіе о Христѣ, какъ Богочеловѣкѣ, на столько широка и область вѣрующихъ въ это ученіе о Богочеловѣчскомъ достоинствѣ Его.

„Мы вчера, а уже вездѣ“ (*), воскликнулъ нѣкто почти еще у самой колыбели христіанства. „Тебе по всей вселеннѣй исповѣдуетъ святая церковь,“ (**), восклицала тоже другой свидѣтель — самовидецъ. Какъ бы эти очевидцы давно прошедшаго воскликнули нынѣ, когда во вселенной не единицы только, не части даже, а цѣлыя племена и народы открыто исповѣдуютъ Христа и слово Христово, закидываетъ свои мрежи въ среду даже самыхъ дикихъ и отдаленныхъ племенъ!

Вся земля да поклонится Тебѣ и поетъ Тебѣ! Въ глубокой дали прошедшихъ временъ, когда христіанство созрѣвалось не иначе еще, какъ будущее зданіе въ его чертежѣ, или какъ плодъ въ своемъ зернѣ, пророкъ прозрѣваетъ духомъ проявленіе Божественныхъ свойствъ Спасителя міра, поражается величіемъ этихъ свойствъ и, объятый священнымъ трепетомъ и восторгомъ, призываетъ, безъ изыятія, всю вселенную воздавать Ему поклоненіе, какъ Божественному Лицу, и въ священныхъ гимнахъ воспѣвать Его величіе. *Вся земля да поклонится Тебѣ и поетъ Тебѣ,* восклицалъ онъ невольно, въ неудержимомъ порывѣ духа. Пророческій голосъ этотъ важенъ для насъ въ виду широкаго исполненія его даже и въ наши дни, сравнительно не совсѣмъ еще далекіе отъ

(*) Тетруллианъ.

(**) Амвросій Медиоланскій.

колыбели Христіанства. Что пророкъ видѣлъ духомъ только издали и чѣго вождѣлввалъ онъ, какъ одинъ изъ лучшихъ сыновъ Израиля, такъ нетерпѣливо ожидавшихъ обѣтованную Утѣху свою и всемірную славу Ея, это самое мы видимъ нынѣ во очю. Вся земля полна славы Іисусовой. Всюду храмы во имя Его; всюду священные гимны во славу Его; всѣ важнѣйшія событія изъ Его исторіи стали предметомъ благоговѣйнаго воспоминанія и праздника. И тамъ, гдѣ восходитъ солнце, и тамъ, гдѣ заходитъ оно, и тамъ, гдѣ богатство и почести текутъ рѣкою, и тамъ, гдѣ снискиваютъ кусокъ хлѣба горькимъ трудомъ и едва пользуются именемъ человека, знаютъ Его, вѣруютъ въ Него, надѣются на Него, поклоняются Ему, какъ Богочеловѣку, и торжественно воспѣваютъ, что *нѣсть иного имени подъ небесемъ, даннаго отъ человецихъ, о Немъ же подобаетъ спастися*, кромѣ имени Іисуса (Дѣян. IV, 12).

Чудное воистину зрѣлище представляютъ собою наши дни, несмотря на ожесточенныя попытки нѣкоторыхъ объяснить дѣло Христово, а равно и Лице Его, вопреки вѣрованію вселенской церкви. Мать у колыбели младенца, учитель въ школахъ ютровоковъ, пастухъ за стадомъ, пахарь за плугомъ и сохой, пастырь въ святомъ храмѣ и на домахъ, мужъ духовной науки въ святилищѣ высшихъ знаній и наукъ, отшельникъ въ пустынѣ, серьезный мыслитель среди думъ о конечномъ и безконечномъ, царь на тронѣ, равно какъ въ кругу своей семьи и народа, всѣ они носятъ въ глубинѣ сердца, какъ нѣкое Божественное сокровище, вѣру во Христа и во время потребное открыто *единими усты* исповѣдуютъ: вѣрую во единого Господа Іисуса Христа, Сына Божія, Творца вѣковъ, Богочеловѣка, Спасителя міра, Царя и Судію живыхъ и мертвыхъ. Что это? Неужели не Божественная слава на землѣ Христа Спасителя, не та слава, которою издали восторгался пророкъ и о которой предвозвѣщавъ онъ? Мало этого. Самыя могилы христіанскія проповѣдуютъ о Божественномъ величій Христа. Что напримѣръ другое, какъ не проповѣдь объ этомъ Его величій, представляютъ собою тѣ надписи, которыя такъ обыкновенны и такъ излюблены нами на могилахъ нашихъ родныхъ?— „Помяни мя, Господи, во царст-

ви Твоемъ!—Покой Господи, душу усопшаго раба Твоего!— Въ руцѣ Твои предаю духъ мой!— „Вѣдь это чистѣйшее выраженіе вѣры во Христа, какъ истиннаго Бога, Спасителя міра и верховнаго Судію живыхъ и мертвыхъ. Такъ, братіе, воистинну такъ! „Это-облако! Пройдетъ оно!..“ Такъ, знаемъ мы, выразился великій Богословъ вселенской церкви (*) о злобныхъ усиліяхъ царя отступника—подорвать, во что бы то ни стало и какъ бы то ни стало, христіанское ученіе о Лицѣ Христовомъ. „Чего трепетать и чего пугаться за ученіе церкви? восклицалъ другой великій мужъ христіанской древности (**). Церковь Христова, продолжаетъ онъ, стоитъ на скалѣ не сокрушимой. Пусть, плещуть, пусть ударяють въ нее, со всею яростію, волны лжеученій: Она устоитъ, волны разобьются.“ Такъ, такъ именно слѣдуетъ смотрѣть и намъ на враждебныя отношенія къ христіанству нѣкоторыхъ мнимыхъ жрецовъ науки нашего времени. Смѣло, съ полнымъ упованіемъ, мы должны говорить: это только облака надъ Христовою церковію; но облака эти пронесутся. Это-волны, но какъ ни воздымаются онѣ, разобьются о твердню вселенскаго православнаго ученія о Христѣ, какъ уже и проносятся и разбиваются. Что же касается сыновъ погибельныхъ, они сами создаютъ себѣ свой печальный жребій; ихъ жертвы, это—воплъ на нихъ къ небесамъ и самое тяжкое обвиненіе ихъ *въ день гнѣва праведнаго суда Божія*.

Исходя изъ вселенскаго союза, основаннаго на началахъ Божественной истины, выражаясь въ ученіи подлинномъ и точномъ, объемля собою необъятное число вѣрующихъ, свидѣтельство вселенской церкви о Христѣ, кромѣ этого, имѣетъ за собою и другіе несомнѣнные признаки достовѣрности.

Въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе безпристрастнаго искателя истины особенно слѣдующія обстоятельства: а) Ни одинъ вопросъ въ мірѣ, какъ знаемъ мы изъ исторіи, не обсуждался такъ старательно и не пересматривался такъ многократно и открыто, какъ вопросъ о Лицѣ Христовомъ. б) На сторонѣ свидѣтелей вселенской церкви замѣчаютъ

(*) Григорій Богословъ. (**) Златоустъ.

ся явный перевѣсъ не только умственныхъ, но и духовно-нравственныхъ совершенствъ. в) Всѣ ученія, противныя Бого-человѣческому достоинству Лица Иисусова, какъ тѣ, которыя по временамъ возникали въ средѣ христіанской въ видѣ частнаго недоумѣнія, такъ равно и тѣ, которыя исходили изъ среды языческой и іудейской въ видѣ глумленія или отрицанія, въ свое же время были побѣдоносно отражаемы, и при томъ не на основаніи только писанія, но и научнымъ образомъ, какъ объ этомъ съ несомнѣнностію свидѣтельствуетъ свято-отеческая богословская литература. Наконецъ г) не безызвѣстенъ исторіи и тотъ колоссальный фактъ, что вѣра христіанская, т. е. вѣра во Христа, какъ Богочеловѣка и Спасителя міра, или, что все равно, вѣра *апостольская и церковная*, одна только *вселенную утверди*. Да, для совершенно расшатавшейся человѣческой мысли, для подавленной чувственностію и эгоизмомъ нравственной человѣческой природы и въ конецъ исчезающей среди человѣчества надежды, она одна только дала твердую опору и возможность, въ концѣ концовъ, найти искомую истину, возстановить въ человѣческой средѣ лучшій нравственный міропорядокъ и воскресить надежду, и притомъ только въ ея же недрахъ, въ ея Божественныхъ сокровищахъ. Вычеркните изъ міровой исторіи христіанство, и вы останетесь тогда съ одною непроглядною тьмою и самымъ ужасающимъ отчаяніемъ. Выбросьте, наприимѣръ, изъ исторіи Виолемскія ясли, уничтожьте Евангеліе, или вымарайте на страницахъ Его голговерскую смерть Христа и Его воскресеніе, вы останетесь тогда въ мірѣ съ одними страшными вопросами, разрѣшить которыхъ вы не въ состояніи, а не пытаться разрѣшать не посмѣете и не можете, потому что отъ этого зависитъ настоящая и будущая судьба ваша.—Что есть истина? Гдѣ наше упованіе? Есть ли нравственный долгъ? Можетъ ли онъ быть? Долженъ ли онъ быть? Какъ широка его область? И куда, наконецъ, онъ ведетъ насъ? Эти вопросы измучили бы насъ, и мы, внѣ христіанства, не нашли бы отвѣта на нихъ,—единожды на всегда. Исслѣдователю религіозной истины забывать это, значитъ—забывать самое главное въ изслѣдованіи.

Что мы не преувеличиваемъ, ссылаемся въ подтвержде-

ніе этого на извѣстные всѣмъ историческіе факты и достовѣрныя свидѣтельства лучшихъ людей міра.

Было, какъ всѣмъ извѣстно, въ исторіи время, когда, по поводу новаго возрѣнія на Лицо Христово одного Александрійскаго священника, успѣшнаго приобрести себѣ не малое число послѣдователей, колебалась было Христова церковь. Это было въ четвертомъ христіанскомъ столѣтіи. Въ лицѣ представителей своихъ духовныхъ и гражданскихъ, вотъ Христова церковь и собралась тогда въ Никею для разрѣшенія волновавшаго ее вопроса. Но всѣмъ извѣстенъ равнымъ образомъ и позорный исходъ новаго, аріанскаго возрѣнія на Христа. Плодомъ дружнаго движенія вселенскихъ силъ, въ первый разъ призванныхъ тогда къ общему дѣлу, было именно то, что вселенская Христова церковь предала проклятію ученіе Арія и сформулировала вышеупомянутый нами членъ вѣры о Богочеловѣческомъ величій Христа, какъ содержащій въ себѣ не только изначальное, пророческое и апостольское, но и непрерывное ея ученіе о Христѣ. Шесть разъ и за тѣмъ вселенская церковь собиралась на общій Соборъ, всякій разъ прочитывала и пересматривала этотъ членъ вѣры и, колеблясь, утверждала его. Сомнѣваться въ состоятельности такого суда, очевидно, нельзя; предполагать въ немъ недосмотры или увлеченіе можно еще менѣе по тому уже одному, что вопросъ о Лицѣ Христовомъ, по самому существу своему, былъ вопросомъ величайшей важности. Затрогивая, по видимому, одного Главу Христіанства, вопросъ этотъ на самомъ дѣлѣ затрогивалъ всѣхъ и все. Касаясь судьбы церкви и ея членовъ, онъ въ тоже время и въ одинаковой мѣрѣ касался судьбы и всего міра, такъ какъ съ тѣмъ или другимъ разрѣшеніемъ его связывался тотъ или другой ходъ всей міровой жизни и ея исторіи; притомъ это былъ самый жгучій вопросъ своего времени. Разрѣшеніемъ его занимались не только въ ареопагѣ святителей, но и въ царскихъ чертогахъ, даже и на рынкахъ. Очевидно, отнестись къ такому вопросу кое какъ, слегка только, мимоходомъ, или въ духѣ партіи, было дѣломъ невыслымымъ. Но всецѣло міровому значенію его въ исторіи, а равно въ виду величайшей степени общаго интереса, въ какой затрогивалъ онъ современную среду, глазъ притомъ на глазъ съ представи-

телями новаго воззрѣнія, вселенскій Судъ, при разсмотрѣннн его, по необходимости долженъ былъ употребить все вниманіе, самое строгое изслѣдованіе и самое крайнее напряженіе умственныхъ силъ, такъ какъ къ его рѣшенію прислушивался весь міръ, т. е. не только друзья христіанства, но и его тайные и явные враги. Такъ это, какъ знаемъ мы изъ исторіи, и было на дѣлѣ.

Но мы идемъ далѣе. „Положите на одну чашку вѣсовъ, воскликнулъ величайшій гений, какой когда либо существовалъ въ духовно-нравственномъ человѣческомъ мірѣ, *) положите на одну чашку вѣсовъ все человечество, а на другой поставьте Апостола Павла,—Павель переиметь“. Прочитайте, прибавимъ мы отъ себя, Павловы посланія и, за тѣмъ, положа руку на сердце, скажите, совмѣщаютъ ли въ себѣ что либо подобное по здравомыслію, по высотѣ созерцанія и святости нравственныхъ требованій взятія всѣхъ вмѣстѣ ученыхъ произведеній древняго и новаго міра? Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ! Таковъ былъ святой Павель, и онъ былъ одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ свидѣтелей за Христа, которые всецѣло отдали ему свою душу, свою жизнь до послѣдней капли крови, до послѣдняго дыханія, съ радостію непустивъ оное въ лютую мученическую смерть.

Но не Павель только владѣлъ необычайными дарами ума и сердца. Промысль Божія, пекущаяся о церкви своей, во время потребное надвляла подобными дарованіями и многихъ другихъ ея дѣателей (Сирах. X, 4) Сколько на примѣръ, блеску истинныхъ дарованій обнаружилъ въ себѣ Александрійскій Аванасій, когда на первомъ вселенскомъ соборѣ, еще въ званіи только діакона Александрійской церкви, защищалъ православное ученіе о Лицѣ Христовомъ противъ Арія и его послѣдователей, отвергавшихъ, какъ извѣстно, Божество Христова! Такъ тяжеловѣсны были доводы его, такъ было сильно слово его и такъ наглядно и рѣшительно опровергнуты были имъ всѣ ихъ возраженія, что современники его, желая охарактеризовать сокрушительную, по отношенію къ его противникамъ силу его мысли и слова, по справедливости прозвали

*) Блатоустъ.

его молотомъ противъ Аріанъ. Съ этимъ прозваніемъ перешелъ онъ и въ исторію и извѣстенъ до настоящаго времени. А кто сравнится силою дарованій и полнотою образованія съ великими Святителями церкви, каковы: Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустый? „Лучше пусть скроется солнце, чѣмъ лишиться намъ этого духовнаго свѣтильника!“ съ плачемъ и рыданіемъ восклицали о послѣднемъ изъ нихъ духовныя дѣти его паствы, когда сильная властію и коварствомъ злора, возбужденная противъ него его пастырскими обличеніями, присудила его наконецъ къ изгнанію и заточенію. Вообще, дотога велика была сила дарованій и такъ изумительна по своей обширности, по своей основательности и глубинѣ образованность этихъ Святителей, что благодарная церковь не только питала и по нынѣ питаетъ благоговѣніе къ высокимъ богословско-философскимъ трудамъ ихъ, но и доселѣ, какъ изъ драгоценной и неисчерпаемой сокровищницы, заимствуетъ изъ ихъ ученыхъ твореній глубокое, высокое и чистое христіанское ученіе и этимъ ученіемъ провѣряетъ богословскія возрѣнія новаго времени. Скажемъ болѣе: ихъ слову, ихъ мысли, ихъ многосторонней образованности невольно отдавали дань уваженія, удивленія и изумленія самыя почетнѣйшія и ученѣйшія изъ язычниковъ, знакомства съ которыми, иногда даже котораго и дружелюбнаго, Святители не чуждались. Всѣ враждебныя христіанству направленія тогдашней философской мысли, всѣ возникавшія въ средѣ христіанъ еретическія ученія нашли въ нихъ безпристрастныхъ судей и самыхъ строгихъ ученыхъ цѣнителей и обличителей. А ихъ нравственная исторія! Ихъ совѣсть? Въ этомъ отношеніи объ нихъ смѣло можно сказать словами Апостола, что это были люди, *ихъ же не бы достоинъ весь міръ*. За всѣ сокровища міра они не посягнули бы на преступленіе; за всю славу его не отверзли бы устъ для лжи и обмана. Міръ языческой не имѣетъ и понятія о такихъ людяхъ и ихъ духовныхъ совершенствахъ.

Такииъ образомъ свидѣтельство вселенской церкви за Христа оказывается вполне состоятельнымъ.

Здѣсь бы намъ и останоиться и положить конецъ слову. Здѣсь бы! Не допрашивать же питомцамъ Христовой вѣры святаго Апостола Павла, святыя вселенскіе соборы и свя-

тѣхъ вселенскихъ учителей, понимали ли они, во что вѣрвали и чему учили, послѣ того, что намъ извѣстно о нихъ. Святой Павелъ, по обращеніи своемъ въ христіанство, былъ, такъ сказать, первѣйшимъ и ближайшимъ спутникомъ духовнаго солнца нашего, Іисуса Христа, и ярче всѣхъ горѣлъ свѣтомъ Его на тверди вселенской церкви. Онъ какъ бы слился духомъ съ своимъ Божественнымъ Просвѣтителемъ, или сталъ *единъ духъ* съ Нимъ. „Уста Павловы, воскликнулъ нѣкто, это уста Христовы“ (! *). Святые вселенскіе соборы, это смѣсь, это разумѣніе всей вселенской церкви. Святые вселенскіе учителя, это—первые духоносные толкователи ученія Христова и Апостольскаго и были первые люди въ мірѣ по своей совѣсти, по своей ангелоподобной жизни. Такому множеству, такому разумѣнію, такой нравственной чистотѣ не довѣрять нельзя.

При всемъ томъ, прервавъ слово наше на томъ, что нами доселѣ сказано, мы далеко не достигли бы своей цѣли. Очевидно, мы все еще требовали бы вѣры, по преимуществу во имя массы и авторитета, а этого для науки не достаточно. Указать на церковь издали, или указать на ея столпы и стѣны и довести даже до ея дверей не значить еще ознакомить съ нею вполнѣ, такъ какъ самое святилище ея все же остается тайною. По этому, мы необходимо должны ознакомиться и съ этимъ святилищемъ, т. е. ознакомиться съ тѣми внутренними, постоянными, неизмѣнными и, такъ сказать, краеугольными основоположеніями церкви, на которыхъ собственно утверждены самыя столпы ея, на которыхъ держалась она, какъ величайшее зданіе верховнаго своего Строителя, и которымъ собственно обязана она свою жизненность и неодолимость: мы разумѣемъ присущую св. церкви благодать Христову, какъ силу возраждающую, обновляющую и совершенствующую и истину Христову, заключающуюся въ Евангеліи. Іоаннъ сказалъ: *благодать и истина Іисусъ Христомъ бысть*, намъ предлежитъ сказать, что Христосъ не далъ бы благодати и истины, если бы Онъ не былъ Богочеловѣкомъ и Спасителемъ міра. Мало. Намъ предлежитъ сказать это и доказать.

---

*) Златоустъ.

Этого от нас требуетъ какъ существо разрѣшаемаго нами вопроса, такъ и то, что мы имѣемъ дѣло не съ здравымъ разумомъ, который, какъ извѣстно, не только не возставалъ и не возстае на Христа и христіанство, но своею философіею, напротивъ, самъ даже руководилъ и руководить ко Христу.*) мы имѣемъ дѣло съ современнымъ буйнымъ разумомъ, который, порвавъ всякую связь съ совѣстію и нравственнымъ чувствомъ, въ эгоистическомъ упоеніи своемъ, пытается все оломать и сокрушить, который не знаетъ и не хочетъ знать Христа и какъ Бога, такъ и какъ только простымъ Галилеяниномъ съ трагическою кончиною Его, и для того, чтобы отвергнуть Христа, какъ и Богочеловѣка и Спасителя міра, не задумывается отрицать бытіе даже личнаго Бога, и весь духовно-нравственный міръ, низводя такимъ образомъ челоѣка до степени скота.

Это мы и постараемся сказать и доказать въ нашихъ последующихъ собесѣдованіяхъ, если Господь соизволитъ, не клоняясь ни отъ какихъ серьезныхъ возраженій современнаго разума, ни отъ какихъ изъводовъ, ни отъ какихъ изъводовъ. Однако же сосредоточимъ наше вниманіе на этомъ священномъ свиткѣ, который лежитъ развернутымъ передъ нашими глазами. Въ настоящія минуты свитокъ этотъ изображаетъ намъ Христа послѣ только что совершеннаго Имъ истиннаго подвига за челоѣчскій родъ. Онъ воскрешаетъ предъ нами ту именно минуту, когда Спаситель нашъ, измученный, иззявленный, окровавленный, осмѣянный и поруганный, распятый и умершій, въ котормъ изъ друзей своихъ былъ снятъ со креста и положенъ на плащаницу. Вы вспомнили эту минуту Его и пришли поклониться Ему. Стало быть, вы вѣруете въ Него, какъ въ Богочеловѣка и Спасителя міра, взявшаго на Себя наши грѣхи съ ихъ наказаніемъ. Блаженны, сто кратъ блаженны вы! Самъ Онъ, Совершитель нашего спасенія, своими пречистыми устами рекъ: *всякъ вируай въ Онъ не погибнетъ* (Св. Іоан. III, 15). О братія мои, не погибнете, никогда не погибнете, только вѣруйте въ Него искренно. Вѣруйте, не блазясь и не дугаясь, что, по временамъ и мѣстамъ, слишкомъ волнуется и шумитъ житейское море. Успокой-

*) Климентъ Александрійскій.

вайте себя въ подобныхъ случаяхъ тѣмъ, что христіанская вѣра, какъ отчасти уже и видѣли вы, основана на непоколебимыхъ началахъ Божественной истины и не боится никакихъ нападковъ лжеименнаго разума. Успокойте и тѣмъ великимъ урокомъ, какой человѣческому разуму преподаетъ исторія. Какъ бы ни волновалась гордыня его, какъ бы ни воздымалась она, но есть Имя, которое со властію положило предѣлы и его волнамъ, и его шуму. За этими предѣлами, каждый шагъ его наказуется или полнѣйшимъ униженіемъ его, или совершеннымъ безсиліемъ. *Всякъ садъ, его же не насади Господь, искоренится* (Мат. XV, 13) Имя это—Иисусъ Христосъ, основатель Церкви и верховный управитель ея, около Котораго, какъ около центра, вращается вся міровая исторія и волею или неволею, прямо или косвенно, служитъ цѣлямъ Его верховнаго міроуправленія.

Придите же, поклонимся нашему Господу и Спасителю. Придите, облобызаемъ спасительныя язвы Его и съ вѣрою, любовію и благодареніемъ припадемъ къ Нему.

Протоіерей **Василій Розаліевъ.**

II.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Приготовленіе сестеръ Іоанно-Маріинскаго монастыря и Черноморской Маріе-Магдалинской Пустыни къ уходу за ранеными и больными воинами.

Въ 5-мъ № нашихъ „Вѣдомостей“ было сообщено о готовности 10-ти сестеръ (одна монахиня, остальные—послушницы) Ставропольскаго Іоанно-Маріинскаго монастыря и 7-ми (одна монахиня, остальные—послушницы) Черноморской женской пустыни посвятить себя уходу за больными и ранеными воинами въ настоящее военное время. Теперь первыя изъ нихъ притовляются къ исполненію сей обязанности.

Вслѣдствіе сношенія Преосвященнѣйшаго Германа, Епископа Кавказскаго, съ кавказскимъ окружнымъ управле-